

Вячеслав Шалыгин
Лекарство от счастья

«ЭКСМО»

2004

Шалыгин В. В.

Лекарство от счастья / В. В. Шалыгин — «Эксмо», 2004

ISBN 5-699-16907-5

ISBN 5-699-16907-5

© Шалыгин В. В., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вячеслав Шалыгин

Лекарство от счастья

Глава 1

Повсюду были только пыль, мусор и плесень. Сквозь трещины в асфальте прорастала трава, а неухоженные скверы и парки заполонил бурьян. Недостроенные дома походили на осенние деревья: такие же жалкие и беспомощные. Их пустые окна и серые стены пугали своей потусторонней отчужденностью. Брошенные новостройки выглядели неуместно рядом с яркими даже без ежегодной плановой покраски разноцветными домиками Первопроходцев или выложенными мозаичной плиткой небоскребами индустриального века. Впрочем, покинутые дома выглядят одинаково скверно независимо от времени постройки и степени готовности. Так же, как и разбитые окна павильонов или забранные решетками витрины давно закрытых магазинов, пустых кафе и ресторанов. В городе не осталось и десятой части населения. Правда, это наверху. На подземном уровне города жителей притаилось побольше. Примерно половина. В основном те, кто уже не умел мечтать и фантазировать. Те, кто считал свою жизнь состоявшейся, несмотря на нищету, голод, болезни, а также ежегодные землетрясения и наводнения, частенько затоплявшие городские катакомбы под самый потолок. Но жители подземелья были отбросами, ничемными остатками некогда процветавшего общества, и в расчет их можно было не брать. Разве что как потенциальный источник эпидемий, одну из экологических проблем наряду с массированными воздушными налетами ядовитых городских ос-падальщиц, периодическими нашествиями крупных и особо зловредных крыс, а также набегами полчищ оголодавших тараканов...

Совковский покинул последний охраняемый терминал аэропорта через длинный запасной коридор. По бетонной трубе секретного перехода носился кондиционированный ветерок с запахом лаванды. После жары и городской вони оказаться здесь было приятно.

Аэропорт, три года назад ставший заодно и космопортом, опустел окончательно. Самолеты над Планетой перестали летать еще прошлой осенью из-за отсутствия пассажиров. Космические челноки, ежедневно доставляемые мощными тягачами из сборочных цехов десяти гигантских космостроительных заводов компании промышленника Ф. Пустотелова, постепенно вывезли с Планеты всех желающих, все необходимое оборудование, продовольствие, а также детали и сборочные конструкции для лайнеров. И тоже перестали летать. Поскольку были включены в списки дополнительного оборудования построенных на орбите гигантских кораблей и отправились вместе с ними к звездам.

Почти четыре сотни грузопассажирских космических монстров, в спешке кое-как смонтированных, оборудованных и загруженных припасами, стартовали с орбитальных верфей навстречу новому, сверкающему миллиардами звезд и нафаршированному триллионами планет пространству за гипербарьером.

Совковский провожал последнюю партию отправившихся на поиски удачи колонистов. Они только что отбыли вечерним космическим челноком на готовящийся к прыжку через гипербарьер пассажирский лайнер «Колонист-390». Последний ковчег, финальный штрих массового исхода с Планеты.

– Поздравляю, – у входа в потайной тоннель Совковского поджидала Светлана, его помощница.

– С чем? – специальный агент поднял на нее удивленный взгляд.

– Щеткин улетел, значит, пока новый президент Планеты не назначит другого – вы директор ПСБ, – пояснила Света. – А он, мне кажется, кроме Щеткина доверяет только вам.

– А-а, ну да, – новый исполняющий обязанности директора Планетарной Службы Безопасности выглядел озадаченным. Словно раньше и не задумывался над такой приятной, но ответственной перспективой. – Новый президент... Федор Иванович... В свое время вы тоже с ним работали... над проектом «Криптон»?

– Да, но к вам он относится, по-моему, лучше, – Светлана вздохнула. – Я свой шанс тогда упустила.

– А я, спасая Пустотелова, получил тяжелое ранение, – на секунду предался воспоминаниям Совковский. – Если бы не Щеткин...

– Да, он рассказывал, – Света взяла нового директора под руку. – Но теперь здесь только мы, и у нас всего один начальник – президент Пустотелов. Ни экс-президента Хорошеева, ни Щеткина.

Директор ПСБ Щеткин действительно был вынужден улететь вместе с бывшим президентом Планеты, а ныне руководителем межзвездной экспедиции Хорошеевым и прочими гражданами. Исход людей с Планеты был настолько массовым, что без правильной организации и руководства мог начаться самый натуральный бардак. Основная нагрузка легла, конечно, на флот и его командующего адмирала Трубу, но флотские офицеры были слабо подготовлены по части руководства и «внутренней оргработы» среди пассажиров-колонистов. Руководством занялся Хорошеев, а Щеткин пришлось возглавить «выездной отдел» ПСБ.

Совковский вздохнул. Ему было завидно. Улететь к звездам, туда, где, судя по новейшим разведанным, ожидает освоения неисчислимо количество пригодных для жизни миров, да не просто пригодных, а настоящих райских уголков... Это была мечта любого вменяемого человека на Планете. Потому, собственно, они все и улетели, оставив на родине только нищих, сумасшедших, калек и бродяг. Да еще ограниченный контингент технического персонала и сил поддержания правопорядка: всех проштрафившихся или вовремя не дослужившихся до приличных званий. Например, таких, как Совковский – еще вчера рядовой агент, правда, в личной команде Щеткина, а сегодня полномочный директор, но снова с оговоркой. Директор Службы, от которой осталось десять процентов личного состава и которая теперь будет выполнять ту же функцию, что и патрульные полисмены. Или другой пример – Света. Тоже агент из личной команды директора, но чересчур уж «лично неприступная». Даже для Щеткина. А раз так, для освоения райских миров меж далеких звезд морально не пригодная... Ну, и так далее. Кто-то имел в персональном деле неснятый выговор, кто-то слишком откровенно подмигнул жене начальника. В психологическом плане чувствовать себя «худшим по профессии» было тяжело, но никто из оставшихся агентов или полисменов на самом деле таковым не являлся. Проходимцы и прохиндеи как раз улетели. Остались либо тугодумы, либо слишком совестливые.

Но все же было утешение и для несправедливо наказанных штрафников и сверх меры честных служаков. Весь этот поход к звездам был слишком поспешным и с точки зрения разумного человека выглядел чистой авантюрой. Кое-кто, например Совковский, был даже полностью уверен, что это авантюра. Ведь финансировала «звездную лихорадку» компания «Космос плюс». А этой фирмой руководил известнейший аферист Федор Пустотелов. Какие он заработал на «исходе» деньги, наверное, не смог бы подсчитать ни один налоговый инспектор. Даже все министерство по налогам и сборам. Которое, впрочем, улетело в полном составе еще на «Колонисте-115». Но кроме сомнительного «продюсерства» проекта существовали и другие нюансы. К примеру, неточность и какая-то обобщенность данных разведки. «Там, за гипербарьером, миллиарды звезд. Плотное шаровое скопление светил спектрального класса G2. А вокруг каждой звезды вращается по три-пять шариков, как две капли воды похожих на Планету в свои лучшие времена – чистых, приятных для жизни и богатых природными ресурсами...» Поверить в такую историю могли только люди, попавшие под тяжелейший пресс массовой истерии. Которую умело раздули все те же дельцы от компании Пустотелова. Истоско-

вавшимися по дальнему космосу людям хватило намека, тощенькой, завалищенькой надежды. Как-то сама собой появилась версия о том, что, возможно, одна из систем звездного скопления и есть Солнечная, а значит, там расположена потерянная Земля! И пошло-поехало...

Все, даже самые последние полудурки, прекрасно понимали, что это глупость, что звездное скопление абсолютно не походит на земной рукав Галактики, но эмоций после двухвекового заточения человечества на Планете было больше чем надо, и голоса разума никто не услышал. А Федор Пустотелов, ориентируясь на раздутый им же «спрос», мгновенно организовал «предложение»: несколько сотен грузовых и пассажирских челноков начали курсировать между Планетой и верфями, где космостроительные компании того же Федора принялись выпекать, словно плюшки, грузопассажирские лайнеры. Без всякого предварительного заказа и маркетинга. Пустотелов точно знал, что реализует всю продукцию верфей. До последнего «ковчега». Даже несмотря на то, что в целях ускорения процесса кораблестроители делали космолеты некомфортабельными, как доисторические автомобили, и устанавливали на них не сверхмощные двигатели Мерсье, а простые разгонно-тормозные РТ-5. На отношение людей к идее колонизации обетованных земель и на массовость исхода это не влияло. Бум только усиливался.

А когда количество стартовавших с орбиты кораблей перевалило за три сотни, поветрие переросло в психоз. Народ начал переживать, что останется без заветного билетика в рай. Перед кассами «Космос плюс» выстраивались километровые очереди, и полиции приходилось прикладывать неимоверные усилия, чтобы обеспечить правопорядок в местах настолько массового скопления граждан и гражданок.

И что примечательно, сам Федор Иванович Пустотелов, организатор и вдохновитель колонизации неведомых земель, никуда не улетел. Даже наоборот. Дождавшись, когда к звездам стартуют все, кто мог изобличить его как авантюриста и скользкого дельца, он выдвинул свою кандидатуру на высший государственный пост. Подкупить оставшийся электорат не составило абсолютно никакого труда, и в результате у Планеты появился новый президент.

Возможно, Света была права и Совковскому при новой власти светило стать директором ПСБ, но пока президент хранил «кадровое молчание». Скорее всего ждал, когда в бесконечное пространство отправится последняя команда отчаянных космонавтов.

И вот все закончилось. Улетел последний челнок, а в полночь с орбиты собирался стартовать последний лайнер. Звездная лихорадка увлекла в неведомые дали почти пятьдесят миллионов человек. Большую часть взрослого населения Планеты. Причем населения трудоспособного и, что важнее, трудолюбивого. Из оставшихся на Планете нормальных граждан этим качеством обладало вряд ли больше половины.

Ненормальных в расчет можно было не брать, но, к сожалению, только в плане трудолюбия. В делах, не относящихся к созданию материальных благ, социальное дно проявляло исключительную изобретательность и неутомимость. Полиции и ПСБ предстояли не самые веселые деньки. Кроме относительно безвредных изгоев, в полет к звездам не пожелали отправляться еще и многие члены преступного сообщества, а также истеричные экстремисты-социалисты и болтуны из свежесостряпанной Партии Патриотов Планеты. И это создавало реальную проблему. В ситуации слабости властей эти люди могли пробиться на главные роли в общественной жизни Планеты и даже поменять под себя законы и порядки. Полиция – урезанная впятеро – уже не справлялась с уличными бандами, а карликовое ПСБ сбивалось с ног в погоне за боевиками и ура-патриотами.

В общем, что и говорить, наследство Совковскому досталось не очень. Дрянное наследство ему досталось. Проблемное.

– Президентские гвардейцы оцепили центр столицы, – негромко докладывала Светлана, прогуливаясь под ручку с новым директором по парковке перед терминалом. – Там патриотов

нет. Но все районы правобережья под контролем ППП. А на левом берегу роятся социалисты. Было уже два взрыва.

– А? – Совковский очнулся. – Ты что-то говорила? Извини, я задумался.

– Дело идет к перевороту, – резюмировала Света. – На этот раз Пустотелов перехитрил самого себя. Он заработал на звездной лихорадке почти все деньги мира, но куда он будет их вкладывать? Экономика рухнула. Рабочих рук не хватает, приличного специалиста не нанять даже за миллион в месяц, поскольку все приличные и даже неприличные специалисты улетели. Предприятия стоят, товары дешевеют, а топливо и продукты дорожают. Без климатического контроля портится погода и снижаются урожаи. Если так пойдет и дальше, через полгода Федора skinут и назначат на его место какого-нибудь патриота.

– Если так пойдет, это случится раньше, – исправил Совковский. – А что мы тут топчемся? Где машина? Патриоты перехватили?

– Нет, – Света очаровательно улыбнулась. – Просто ждем приказа. Ведь теперь вы у нас босс, вам и решать.

– Даже насчет машины? – удивился директор. – Поручаю это вам.

– Вы никуда не поедете, господин директор ПСБ!

Было абсолютно непонятно, откуда вывернули сразу десять или двенадцать незнакомцев. Никаких укрытий поблизости вроде бы не было.

– Почему? – Совковский среагировал мгновенно. Сказывалась оперативная закалка. Он прикрыл плечом Светлану и прицелился в неизвестных сразу из двух стволов. – Как вы проникли на территорию закрытого объекта?

– Объект открыт, – один из незнакомцев пожал плечами. – Охрана с него снята, ведь больше здесь нечего охранять... Да вы расслабьтесь, Совковский. Мы же знаем, что директор вы случайный, так сказать, по наследству. Против вас мы ничего не имеем. Просто подпишите рапорт об отставке – и свободны.

– Вы патриоты?

– Да, мы руководители Партии, – главный среди незнакомцев кивнул влево. – Это наш секретарь, а там глава судебной комиссии. А я, разрешите представиться, председатель исполнительного комитета. Раздражаев Михаил Михалыч. Мы мирная делегация. Оружия у нас нет...

– Света, где машина? – не спуская взгляда с патриотов, спросил Совковский.

– Постойте! – возмутился Раздражаев. – Мы не закончили!

– А оружие у вас есть? – мило наморщив носик, спросила Светлана.

– Я же сказал, что нет! В новом мире добра и справедливости оружие не будет иметь решающего значения! Партия Патриотов Планеты установит новый порядок!

– А может, вас расстрелять? – спросила Света, игнорируя его пламенную речь.

– Э-э... то есть? – опешил патриот. – Как это?

– Вот так, – девушка вышла из-за спины Совковского и прицелилась в Раздражаева из своего пистолета. – Как это обычно делалось, пока не установился новый порядок.

– Не надо, – патриот побледнел.

– Тогда... – Светлана изящно взмахнула рукой, подзывая лимузин.

Но в следующую секунду послышался не шелест шин, а оглушительный грохот. У Совковского даже мелькнула мысль, что презирующий стрелковое оружие Новый Порядок делает исключение для взрывчатки. Директор невольно присел и быстро оглянулся. Все здания и сооружения вокруг были в целости и сохранности. Ничто не взорвалось и не рухнуло. Но грохот продолжался, и низкочастотная вибрация ощутимо отдавалась во всем теле.

– Что-о-о про-о-исхо-о-дит? – продребезжал он, обращаясь к бледной от страха Свете.

Она, видимо, не в силах стоять на высоких тонких каблуках, разулась и указала туфелькой в зенит. Совковский запрокинул голову к небу и обомлел. С небес на крошечный пята-

чок космодрома спускалась божья кара. Гигантская малиновая пуговица с четырьмя дырками-факелами посадочных двигателей.

– Это... «Колонист»?! – ужаснулся директор. – Вернулся какой-то из лайнеров?

– Один из первого десятка, – согласилась Светлана. – Начиная с одиннадцатого, все они имеют по пять посадочных дюз...

Глава 2

Паша Жутиков привык работать хорошо. Никаких особенных талантов за ним не числилось, но и на должности скромного санитара можно было зарекомендовать себя ответственным и грамотным работником. Правильно взять носилки, рассчитать угол наклона, когда несешь больного по крутой, узкой лестнице, подобрать подходящих размеров шину или жгут, с полуслова понять, какой инструмент требуется врачу или на какую высоту поднять походную капельницу – все это было тонкостями, доступными лишь опытному санитару «Скорой помощи». Коим Паша и являлся. За это его ценили и уважали коллеги, и по этой же причине он решил остаться на Планете, когда началась звездная лихорадка. Жутиков чувствовал, что несет огромную ответственность за свой участок работы, и не мог бросить тысячи страждущих на произвол судьбы. Когда на подстанции не осталось врачей и на все вызовы стали ездить медсестры, а иногда и одни санитары, доля Пашиной ответственности, как наиболее опытного сотрудника, увеличилась вдвое. А чуть позже и втрое. Когда дефицит кадров в учреждении стал просто катастрофическим.

Под занавес массового бегства граждан в космос на тридцать экипажей с красным крестом осталось только пять санитаров и два шофера. И тут для Паши настал звездный час. Кроме него никто не умел накладывать повязки и шины, а еще только Жутиков освоил внутривенные инъекции. Таинство и вовсе сакральное.

Собрание персонала было кратким. Коллеги единогласно избрали Пашу Главным Специалистом подстанции и выделили ему персональную машину. Новый статус Жутикову нравился, но зазнаваться он не спешил. Паша продолжал ездить на вызовы и выполнял любую черновую работу.

Вот и сейчас, получив сигнал с космодрома, он, не задумываясь, развернул свою карету через узкий газон посреди проспекта и помчался спасать людские жизни. Под сиреной и мигалкой. Все как полагается. Вой ревуна и красно-синие сполохи нравились Жутикову с детства. Еще прогуливаясь под присмотром бабушки по ясельной площадке, он уже мечтал мчаться в большой белой машине с красными крестами и непонятными надписями на бортах. Теперь мечта сбылась в полной мере. Он ездил на красивой машине, в белом халате, да еще и за рулем.

Экипаж скрипнул тормозами, и Паша, с врачебным чемоданчиком в руке, прыгнул на горячий бетон посадочной площадки.

– Доктор, сюда! – крикнул кто-то из-за опорной штанги остывающего космолета.

Громадина космического лайнера дышала жаром и громко потрескивала керамической обшивкой. В ее днище, между посадочными соплами и телескопическими опорными штангами, виднелся широкий люк, к которому был приставлен обычный самолетный трап.

– Доктор! – снова позвал взволнованный голос.

Жутиков сначала хотел возразить, что он вовсе не доктор, но немного подумал и промолчал. В конце концов, когда речь идет о спасении человеческих жизней, как тебя величают – врачом или санитаром – не важно.

Паша бегом пересек горячую площадку и поднялся по накалившемуся трапу. Внутри корабля, в шлюзе, было прохладнее, но все равно душно. Пахло какой-то сыростью и гнилью, как в склепе. В голове у Жутикова даже промелькнула мысль о самом страшном... Очень уж сочетание запахов напоминало атмосферу морга. Дабы развеять либо подтвердить подозрения, следовало срочно что-то сделать. Иначе от страха и неопределенности можно было сойти с ума. Паша изредка смотрел фильмы ужасов, и сейчас обстановка в корабле напоминала ему как раз кадр из такого кино. Не хватало только мрачной, тревожной музыки. Жутиков перебил страх и шагнул из шлюза в коридор. Надо было держать себя в руках. В конце концов, запахи запахами, но пока нет трупов, нет и уверенности в печальном исходе. Паша когда-то

интересовался устройством лайнеров и потому уверенно двинулся в сторону жилых отсеков, но его перехватил возбужденный полисмен.

– Сюда!

Полицейский потянул Пашу вправо, и скоро они оказались в кабине – просторном помещении с несколькими рядами удобных кресел. Во всех сидели люди в униформе космофлота, но ни один из них не шевелился. Скверные предчувствия усилились, и Жутиков струхнул окончательно. Он давно уже не боялся зияющих порезов, хлещущей из поврежденных артерий крови и торчащих из ран костей. Периодически встречавшихся на дорогах и в пустых квартирах мертвецов он не боялся тоже, но видеть сразу столько целехоньких трупов ему еще не доводилось. Его подстанция обслуживала относительно приличный район, где даже автодорожные происшествия случались редко и не носили массового характера.

– Они... умерли? – растерялся Паша.

– Кто тут доктор, вы или я? – удивился полицейский. – Крайний вроде дышит, а к остальным я не подходил.

– А есть тут еще кто-нибудь... из наших? – неуверенно спросил Жутиков.

– Несколько агентов и делегация патриотов, – полисмен махнул рукой в сторону жилых отсеков. – Туда пошли. Но докторов нет. Кроме вас. Они меня на посту для того и оставили, чтобы врача первым делом к экипажу проводить.

– А-а, – Паша припомнил, как в трудных случаях вел себя давно улетевший доктор Шлюбкин. – Ну-с, посмотрим...

Произожди все это три или два... даже год назад, Жутиков ограничился бы поверхностным осмотром и многозначительным похмыкиванием. Максимум – пощупал бы пульс у одного-другого. А затем просто уселся бы у порога в ожидании врачебных указаний: куда нести пострадавших и кого из них выносить в первую очередь. Но теперь Паша был предоставлен только себе. И принимать решения, и исполнять предстояло ему одному.

Жутиков взглянул на ожидающего чуда полисмена и неожиданно для себя распорядился:

– Срочно соберите бригаду санитаров-добровольцев и вызовите все экипажи «Скорой»...

Распоряжение получилось властным и не терпящим возражений. Настоящим таким. Значительным. Врачебным. Паша почувствовал волну эмоционального подъема. Быть доктором, пусть и без диплома, ему нравилось.

– Сделаем, – уважительно кивнул полицейский.

Уверенный тон «доктора» мгновенно испарил все сомнения полисмена в компетентности Жутикова.

– Потребуется дополнительный транспорт! – крикнул ему вслед Паша.

– Сделаем! – полицейский на ходу обернулся и утвердительно рубанул ладонью воздух.

Оставшись в одиночестве, Жутиков деловито осмотрелся и привычным движением откинул разболтанные замки чемоданчика. Ватка и нашатырь. Первое средство против отключки. Этот элементарный фокус Паша знал давно и всегда исполнял «на ура». Смочив ватку резко пахнущей жидкостью, он склонился над крайним космонавтом. Лицо человека было бледным, глаза полуоткрыты, а губы плотно сжаты. Он действительно едва заметно дышал, а его пальцы впились в подлокотники кресла.

«Ступор, – решил для себя Паша. – Или сопор. Или кома...»

Чем отличаются друг от друга эти состояния, он знал очень приблизительно. Среди санитаров они именовались одним емким словом «отключка». Иногда с уточнениями – полная, глубокая или легкая. Жутиков безрезультатно помахал перед носом космонавта ваткой и пришел к выводу, что тот отключился полностью. Паша переместился к следующему креслу и повторил процедуру. Результат оказался тем же. Нашатырь на пациента не подействовал. Третьему пострадавшему санитар помазал виски и зачем-то верхнюю губу. За этим делом его и застали вернувшиеся из пассажирских отсеков агенты ПСБ.

– Как дела? – поинтересовался агент-мужчина.

– Есть надежда? – спросила женщина.

Санитар хотел ответить, но только изумленно вылупился и беззвучно подвигал челюстью. Вот так в представлении Жутикова и должны были выглядеть недоступные и загадочные контрразведчицы. Женщина-агент была прекрасна и уверена в себе. Паша несколько секунд боролся с оцепенением и в конце концов, соорудив многозначительную мину, разродился:

– Надежда есть всегда: либо на выздоровление, либо на хорошо написанный некролог.

Это изречение он подцепил все от того же невозмутимого доктора Шлюбкина. Правда, что такое «некролог», Паша так и не узнал – доктор улетел раньше, чем Жутиков догадался об этом спросить...

– А как насчет диагноза? – в кабину вошел еще один мужчина.

Растрепанный, вспотевший и без значка. К нему Жутиков сразу же проникся недоверием и даже брезгливостью. С высоты врачебного положения (пока никто не вывел его на чистую воду) Паша мог себе это позволить. Так он считал. Слово «диагноз», в отличие от «некролога», было ему знакомо, и пока угрозы разоблачения он не ощущал.

– Предварительный диагноз... – Паша в мыслях лихорадочно перебрал варианты и выбрал нужный при помощи детской считалочки про «эники-беники». Вареники ел «ступор». – Я считаю, что все космонавты впали в ступор!

– Это я вижу, – согласился растрепанный.

Жутиков внутренне возликовал.

– Но в чем причина? – удивилась прекрасная «девушка при исполнении». – Их всех оглушили? Или произошла утечка какого-то нервно-паралитического газа? Я понимаю, что так сразу трудно определить, но все-таки, доктор, как вы считаете?

Паша едва удержался, чтобы не сострить: «от нуля до десяти». С точки зрения его друзей, шутка получилась бы искрометной и неожиданной, но, глядя на эту небесной красоты, неземной стройности и космической притягательности девицу, Жутиков решил воздержаться от всего, что могло бы обнаружить его образовательный уровень. Ему страшно хотелось остаться для нее доктором.

– Думаю, это интоксикация.

Произносить это слово Паша научился еще в школе. Всего каких-то пять недель тренировки перед зеркалом – и пожалуйста! «Интоксикация, деградация, прострация и кретицизм...» Жутиков блистал на фоне приятелей крупным бриллиантом, запросто разбрасываясь такими сложными терминами направо и налево. Все его друзья и подруги уже тогда были уверены, что «Пашка станет профессором, не иначе». Учителя, правда, придерживались иного мнения. Они применяли к нему последний термин из «бриллиантового набора» и прочили будущее, типичное для всех «подвальных дебилов». К сожалению, правы оказались не друзья и подруги, а именно учителя.

Но сейчас, в этой сложной и напряженной обстановке все могло измениться! Паша держал в руках самый настоящий хвост натуральной синей птицы. Выпустить его было глупо даже для кое-как пробившегося в дебилы кретина.

– Возможно, возможно, – задумчиво произнес потный в штатском. – Вряд ли на борту было достаточное количество газа или чего-то в этом роде. Ступор мог наступить вследствие магнитного удара, силового или гравитационного шока...

– Или они все чего-то наелись, – умно двигая бровями, вставил Паша. – Отравились.

– Да... – штатский кивнул. – В конце концов, интоксикация может иметь инфекционное происхождение. Не так ли, коллега?

– Раздражаев, вы тоже доктор? – заинтересовался агент-мужчина.

– В прошлом я биолог, господин директор, – признался Раздражаев. – Смежный, так сказать, специалист. Но для подобных выводов не обязательно быть врачом. Взгляните на этих

несчастливых! Они явно больны! Это заметно с первого взгляда. К тому же как еще вы объясните, что многие тысячи находящихся на борту людей пребывают в абсолютно одинаковом ступоре? Лично я нахожу единственный ответ – они подцепили одну и ту же болезнь! Не так ли, коллега?

Жутиков поспешно кивнул. Сообразить, что все на корабле больны, он мог и сам. Этот Раздражаев просто опередил его с озвучиванием предположения. Всего-то на секунду. Или минуту.

– А версия с магнитным ударом? – заупрямилась девушка.

– Корабль надежно экранирован, – парировал растрепанный биолог.

– Отравление...

– Даже самые массовые отравления не бывают поголовными. Всегда найдется десяток безразличных индивидов, которые будут питаться консервами и пить только синтезированную воду, какими бы фруктами ни соблазняла их новая планета.

– А этот... гравитационный шок? – спросил агент.

– Это я для убедительности на ходу придумал, – сознался Раздражаев. – Лайнеры защищены от любых космических неожиданностей, а гипноз или словесное программирование по радиосвязи я исключаю как неумные фантазии. Значит, остается лишь одна приличная версия. Нечто проникло на борт через шлюзы, когда корабль сел на неизвестную планету. С газом мы уже определились – он не просочился бы во все отсеки, да и нет такого газа, чтобы вгонял людей в ступор на долгое время, но без побочных проявлений. Вот и выходит, что кроме микроба искать больше некого. Как я сразу и сказал. Сообразительность, помноженная на знания, – оружие гораздо более эффективное, чем ваши излучатели. Впрочем, ни того, ни другого я вам не ссужу. Все равно не сумеете воспользоваться.

– Па-три-от хвастливый... – с оскорбительными интонациями бросил агент. – А как узнать, что это за болячка, вы хотя бы примерно себе представляете?

– Ну-у... наверное, надо взять анализ крови, – Раздражаев почесал в затылке. – Вообще-то, если честно, нет. Но ведь у нас есть доктор! Коллега, вы же сумеете выделить патогенный микроорганизм, если таковой имеется, из крови пострадавших, не так ли?

– Так я... это... – не совсем понимая, чего от него хотят, замаялся Паша.

Этот «патогенный микроорганизм» был явным перебором. Слишком сложным даже для произношения. О понимании нечего и говорить. Стройное жутиковское мышление начало давать «понятийные сбои».

– Не будем терять время, – агент взглянул на часы. – Раздражаев, Света, назначаю вас помощниками доктора... как ваша фамилия?

– Жутиков, – пробормотал санитар. – Паш... Павел Петрович.

– Вот, поможете доктору Жутикову. Пока не разберетесь, в порту будет установлен строжайший карантин. Только звездной болезни нам на Планете не хватало. И так восемьдесят процентов трудоспособного населения потеряли, а тут еще космические микробы... И чтобы тишина! Выделяйте, лечите, но никаких интервью и репортажей. Все ясно?

– Но позвольте, господин директор! – возмутился Раздражаев. – Я как председатель исполкома Партии Патриотов Планеты...

– Вы мобилизованы! – отрезал агент-директор. – Тем более что были в контакте с больными, а значит, все равно от карантина никуда не денетесь.

– Но нам потребуется оборудование... – предпринял еще одну слабую попытку патриот.

– Больница космопорта оборудована всем необходимым.

– Но...

– Дискуссия окончена! Я прослежу за вашим поведением лично! Только попробуйте ослушаться!

– Еще бы, – биолог смирился. – Конечно, проследите. Лично. Вы ведь тоже попадаете под карантин...

Глава 3

– Всех нам не разместить, – Раздражаев для вида перевернул пару страниц пухлого фолианта – списков экипажа и пассажиров лайнера. – В больнице сотня коек, а их тут...

– Сто двадцать восемь тысяч, – подсказала Светлана. – Доктор, ваше решение?

– Так... это... – Паша потерял резинное тельце висящего на шее фонендоскопа. – Тяжелых в палаты, остальных будем... э-э... наблюдать на месте.

– Согласен, – сказал патриот. – Только кто из них тяжелый, а кто легкий? Вам придется серьезно потрудиться, док, чтобы это определить.

– А... это... коллег больше нету? – Жутиков почувствовал, что краснеет.

– Из Юго-Западного округа выехали двое... педиатров, – сообщил так и оставшийся с карантинной командой полицейский. Он ехидно ухмыльнулся и подмигнул Паше: – Они пригодятся?

– Вы не о том подумали, – холодно оборвала его Светлана. – Это детские врачи.

– А-а, – разочарованно протянул полисмен и шмыгнул носом. – Еще у нас есть двадцать три добровольца. Из числа патриотов, которые проникли на космодром вместе с господином Раздражаевым, и техперсонала.

– А оцепление? – поинтересовался лысый.

– Оцепление будет оцеплять, – вмешался Совковский. – Его не трогать. Справимся сами.

– Придется таскать пострадавших на носилках, – предупредил Раздражаев. – Это тяжело.

– Доктор еще не решил, может быть, они все «легкие» и очнутся без серьезного лечения, – возразил директор. – Жутиков, вы когда начнете осмотр?

– Да, да, сейчас, – Паша торопливо кивнул. – Мне только... сестру надо и... помощника. Вот этого.

Он указал на Раздражаева.

– Они ваши, – Совковский махнул рукой, указывая на Свету и биолога. – Начинайте.

Осматривать было легко. Жутиков отлично знал, что надо проверить пульс, послушать фонендоскопом сердцебиение и заглянуть в глаза, приподняв веки. Каким должен быть пульс в норме, он тоже знал. А вот что там слушают доктора в сердце и на кой черт заглядывают в зрачки, не представлял даже примерно. Не душу же изучают. Вроде как есть еще или уже улетучилась. Изображать врача ему давно расхотелось, но рядом была Света. Он не мог ударить в грязь лицом перед этой девушкой.

Даже будучи не самым умным на Планете человеком, Паша хорошо понимал, что шансов у него почти нет. Образованная, волевая, энергичная и прекрасная женщина из высших слоев общества и дитя подвалов, санитар «Скорой». Принцесса и пастух. Перспектива дохлее дохлой. Даже если все пострадавшие вдруг выйдут из ступора и эта медицинская победа будет записана в актив «доктора» Жутикова, тайна его настоящей личности все равно всплывет, и тогда... В общем, Светланы ему не видать в любом случае. И все-таки он надеялся.

«Надежда есть всегда...» Вечно пьяный врач Шлюбкин был все равно умнее вечно трезвого Жутикова. В этом Паша убеждался ежедневно на протяжении пяти лет, пока работал в бригаде Шлюбкина, а потому привык верить доктору во всем. Если тот любил это изречение, значит, в нем что-то было.

– Узнать бы, что у них в голове, – отвлекая Пашу от грустных мыслей, задумчиво пробормотал Раздражаев. – Заметьте, коллега, у всех примерно одно выражение на лицах. Они словно бы о чем-то мечтают. Вам не кажется?

– Типа того, – согласился Жутиков. – И пульса одинаковые.

– Что?

– Пульсы... – поспешно исправился Паша. – Пульсы... Сто двадцать... в минуту.

– Ой! – вдруг воскликнула Светлана. – Вот этот на меня смотрит!

Жутиков и Раздражаев подбежали к обнаруженному девушкой субъекту. Его глаза были открыты и действительно следили за перемещениями «спасателей».

– Ага, – обрадовался Паша. – Ожил, импотент!

– За что вы его так? – укоризненно спросил Раздражаев. – А-а, понимаю, медицинский юмор! Раз не может ничего, кроме как наблюдать, значит... этот... Хе-хе... Да-а, метко.

Паше оставалось только многозначительно ухмыльнуться. Он покосился на Светлану и понял, что она тоже засчитала санитару не минус, а приличный плюс. На самом деле Жутиков ляпнул, не подумав. Просто выдал первый пришедший на ум научный термин. Взамен какого-нибудь радостного матюга. Среди санитаров материться таким образом считалось высшим пилотажем, и Паша от моды не отставал. За время работы он успел заучить не меньше двух десятков подобных словечек, значительно продвинувшись, таким образом, вперед по сравнению со «школьной программой». А перед самым вызовом он как раз учил похабнейшее слово «импотенция» и его производные.

– Сам... ты... – медленно произнес космонавт.

– Ну, слава богу! – Раздражаев всплеснул руками. – Может, и остальные скоро очнутся?

– Значит, никакая это не инфекция? – спросила Света.

– Третья... атака... – прошептал космонавт.

– Извините? – не поняла девушка.

– Третья – что? – присоединился патриот.

– Все, – еще тише пояснил колонист. – Кто ушел, тот уже не вернется... Если выживет...

Сказать, что никто не понял из его загадочной речи ни слова, было бы неточно. Слова все прекрасно понимали. Вот только смысла не улавливали.

– Болезнь... – торопливо заговорил Раздражаев. – Что за эпидемия вас настигла?

– Счастье, – губы космонавта вдруг посинели, а глаза закатились.

Паша поспешно схватил его запястье, но пульса не нашел.

– Умер... – констатировал санитар.

– От счастья?! – изумленно спросила Светлана. – Их надо срочно спасать. Иначе они все умрут!

– Как? – Раздражаев пожал плечами. – От счастья нет лекарств.

– Разве вы не понимаете, что это был горячечный бред! Потрогайте его лоб... нет, не его, вот этого соседа. У них у всех лихорадка! Доктор, ну вы-то видите, что это эпидемия?! Делайте что-нибудь! Уколы, капельницы, клизмы... Хоть что-то!

– Литическую смесь внутривенно, – вспомнил Паша коронное средство Шлюбкина. – Собьем эта... температуру, а там посмотрим.

– А-а, помню, когда-то видел, как делают такую смесь, – блеснул Раздражаев.

– Вот и смешивайте, – сориентировался Жутиков. Он-то как раз ничего такого не видел. Медсестра из шлюбкинской бригады его в свои таинства не посвящала. Колдовала над чемоданчиком с ампулами, ведьма, в полном одиночестве. – Смешивайте, а я буду вводить. Да побыстрее! Время дорого!

Он победно покосился на Свету. Та благосклонно улыбнулась.

Примерно через пять минут вспотевший Раздражаев наконец ухитрился смешать в одном шприце два нужных ингредиента, и Паша засучил рукава. Запаса лекарств хватило на десять инъекций. Пока Совковский связывался с медслужбой ПСБ, заказывая дополнительные препараты, в сознание пришли еще трое космонавтов. Один из получивших дозу жаропонижающего и двое очередников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.